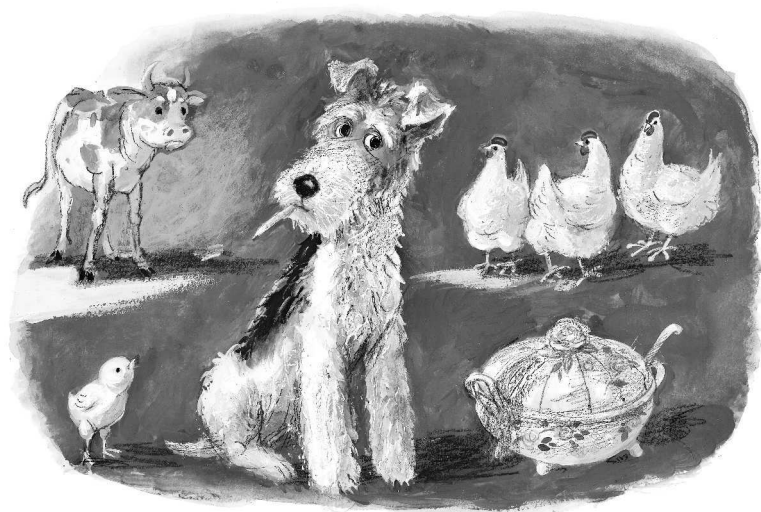
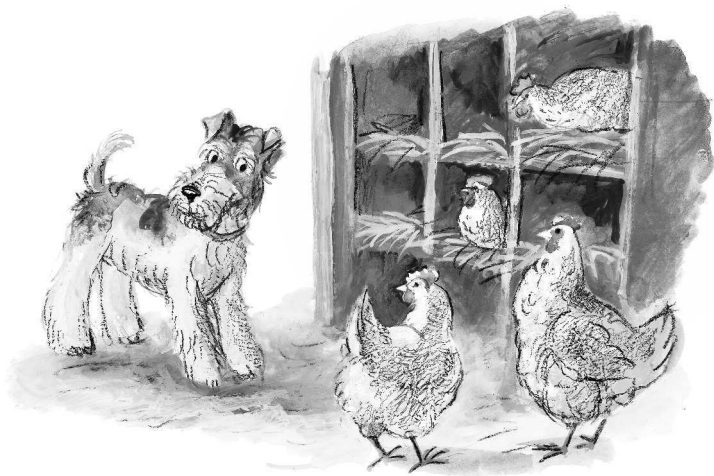

ДНЕВНИК
ФОКСА МИККИ

О ЗИНЕ, О ЕДЕ, О КОРОВЕ И Т. П.

МОЯ хозяйка Зина больше похожа на фокса, чем на девочку: визжит, прыгает, ловит руками мяч (ртом она не умеет) и грызёт сахар, совсем как собачонка. Всё думаю — нет ли у неё хвостика? Ходит она всегда в своих девочкиных попонках; а в ванную комнату меня не пускает — уж я бы подсмотрел.

Вчера она расхвасталась: видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика — диктовка — сочинения... А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь.

Гав! Я умею думать — и это самое главное. Что лучше: думающий фокс или говорящий попугай? Ага!

Читать я немножко умею — детские книжки с самыми крупными буквами.

Писать... Смейтесь, смейтесь (терпеть не могу, когда люди смеются)! — писать я тоже научился. Правда, пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна. Но я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ёрзала, — и пишу.

Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червяков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины. Вот только не умею точить карандашей. Когда мой иступится, я бегу тихонько в кабинет и тащу со стола отточенные людьми огрызки.

* * *

Ставлю три звёздочки. Я видал в детских книжках: когда человек делает прыжок к новой мысли, он ставит три звёздочки...

Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей. Они разговаривают, читают, плачут, смеются — а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью — прячет под подушку бисквиты и шоколадки и потихоньку чавкает.

Как много они едят! Как долго они едят! Как часто они едят. И говорят ещё, что я обжора...

Сунут косточку от телячьей котлетки (котлетку сами съедят!), нальют полблюдца молока — и всё.

Разве я пристаю, разве я прошу ещё, как Зина и другие дети? Разве я ем сладкое: клейстер, который называется киселём, или жидкую гадость из чернослива и изюма, или холодный ужас, который они называют мороженым? Я деликатнее всех собак, потому что я породистый фокс. Погрызу косточку, съем, осторожно взяв из рук Зины, бисквит, и всё.

Но они... Зачем эти супы? Разве не вкуснее чистая вода?

Зачем эти горошки, морковки, сельдерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол — я имел полное право его съесть!)... Уверяю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет...

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили! Не было бы кухарок: они совсем не умеют обращаться с порядочными собаками. Ели бы все на полу, без посуды, — мне было бы веселей. А то всегда сидишь под столом, среди чужих ног. Толкаются, наступают на лапы. Подумаешь, как весело!..

Или ещё лучше — ели бы на траве перед домом. Каждому по сырой котлетке. А после обеда все бы барахтались и визжали, как Зина со мной... Гав-гав!

Меня называют обжорой (выпил глоток молока из кошкиного блюдца, подумаешь)...

А сами... После супа, после жаркого, после компота, после сыра — они ещё пьют разноцветные штуки: красную — вино, жёлтую — пиво, чёрную — кофе... Зачем? Я зеваю под столом до слёз, привык около людей околачиваться, а они

всё сидят, сидят, сидят... Гав! И всё говорят, говорят, говорят, точно у каждого граммофон в животе завели.

* * *

Три звёздочки.

Новая мысль. Наша корова — дура. Почему она даёт столько молока? У неё один сын — телёнок, а она кормит весь дом. И чтоб давать столько молока, она весь день ест, ест свою траву, даже смотреть жалко. Я бы не выдержал. Почему лошадь не даёт столько молока? Почему кошка кормит своих котят и больше ни о ком не заботится?

Разве говорящему попугаю придёт в голову такая мысль?

И ещё. Почему куры несут столько яиц? Это ужасно. Никогда они не веселятся, ходят, как сонные мухи, летать совсем разучились, не поют, как другие птицы... Это всё из-за этих несчастных яиц.

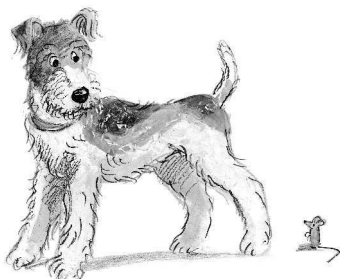
Я яиц не терплю. Зина — тоже. Если бы я мог объясниться с курами, я бы им отсоветовал нести столько яиц.

Хорошо всё-таки быть фоксом: не ем супа, не играю на этой проклятой музыке, по которой Зина бегает пальцами, не даю молока и «тому подобное», как говорит Зинин папа.

Трах! Карандаш надломился. Надо писать осторожнее — кабинет на замке, а там все карандаши.

В следующий раз сочиню собачьи стихи — очень это меня интересует.

*Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать*

СТИХИ, КОТЯТА И БЛОХИ

ВЗРОСЛЫЕ всегда читают про себя. Скучные люди — эти взрослые, вроде старых собак. А Зина — читает вслух, нараспев и всё время вертится, хлопает себя по коленке и показывает мне язык. Конечно, так веселей. Я лежу на коврике, слушаю и ловлю блох. Очень это во время чтения приятно.

И вот я заметил, что есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает — точно котлетки рубит. Сделает передышку, языком прищёлкнет и опять затахтит. А на конце каждой строчки — ухо у меня тонкое — похожие друг на друга

кусочки звучат: «дети — отца, сети — мертвеца»... Вот это и есть стихи.

Вчера весь день пролежал под диваном, даже похудел. Всё хотел одну такую штучку сочинить. Придумал — и ужасно горжусь:

*По веранде ветер дикий
Гонит листья всё быстреей.
Я весёлый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!*

Замечательно! Сочинил и так волновался, что даже не мог обедать. Подумайте! Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в «цехе поэтов»... Разве наша кухарка сочинит такие стихи? А ведь ей сорок три года, а мне только два. Гав!

Эта кубышка Зина и не подозревает, кто у неё живёт в доме... Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр. Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?

И вот, лёжа пробовал прочесть про себя свои стихи наоборот. Тяв! Может быть, так ещё звончей будет?..

*Дикий ветер веранде по
Быстрее всё листья гонит...
Микки фоксик весёлый я,
Зверей из умный самый...*

Ай-яй-яй! Что же это такое? Котята! Скажите пожалуйста!.. Их мать, хитрая тварь, исчезает в парке на весь день: шмыг — и нету, как комар в ёлке. А я должен играть с её детьми... Один лижет меня в нос. Я тоже его лизнул, хотя зубы у меня почему-то вдруг щёлкнули... Другой сосёт моё ухо. Мамка я ему, что ли? Третий лезет ко мне на спину и так царапается, словно меня тёркой скребут. Р-р-р-р! Тише, Микки, тише... Зина хохочет и захлёбывается: ты, говорит, их двоюродный папа.

Я не сержусь: надо же им кого-нибудь лизать, сосать и царапать... Но зачем же эта девчонка смеётся?

Ах, как странно, как странно! Сегодня бессовестная кошка вернулась, наконец, к своим детям. И знаете, когда они бросили меня и полезли все под свою маму — я посмотрел из-под скатерти, задрожал всей шкурой от зависти

и нервно всхлипнул. Непременно напишу об этом стишок.

Ушёл в аллею. Не хочу больше играть с котятами! Они не оценили моего сердца. Не хочу больше играть с Зиной! Она вымазала мне нос губной помадой...

Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!

* * *

Видел на граммофонной пластинке нацарапанную картинку: фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает. Че-пу-ха! Ни один порядочный фокс не будет слушать эту хрипящую, сумасшедшую машину. Если бы я был Зинин папа, уж я бы лучше держал в гостиной корову. Она ведь тоже мычит и ревёт, да и доить её удобней дома, чем бегать к ней в сарай. Странные люди...

С Зиной помирился: она катала по паркету игрушечный кегельный шар, а я его со всех ног ловил. Ах, как я люблю всё круглое, всё, что катится, всё, что можно ловить!..

Но девочка... всегда останется девочкой. Села на пол и зевает: «Как тебе, Микки, не надоест сто раз делать одно и то же?»

Да? У неё есть кукла, и книжки, и подруги, папа её курит, играет в какие-то дурацкие карты и читает газеты, мама её всё время одевается и раздевается... А у меня только мой шар — и меня ещё попрекают!

Ненавижу блох. Не-на-ви-жу. Могли бы, кажется, кусать кухарку (Зину мне жалко), так нет — целый день грызут меня, точно я сахарный... Даже с котят все на меня перескочили. Ладно! Пойду в переднюю, лягу на шершавый коврик спиной книзу и так их разотру, что они в обморок попадают. Гав-гав-гав!

Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь — никому не известно.

*Фокс Микки,
Собака-поэт,
Умнее которой в мире нет...*

РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ, МОЙ СОН И МОИ СОБАЧЬИ МЫСЛИ

ВОПРОСОМ называется такая строчка, в конце которой стоит рыболовный крючок — вопросительный знак.

Меня мучают пять вопросов.

Почему Зинин папа сказал, что у него «глаза на лоб полезли»? Никуда они не полезли, я сам видел. Зачем же он говорит глупости? Я прокрался к шкафу, сел перед зеркалом и изо всех сил закатил кверху глаза. Чушь! Лоб вверху, и глаза на своём месте.

Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я ино-

гда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдёшь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруду. Очень мне их жалко! Утром плавали и пускали пузыри, а вечером перевариваются в тёмном и тесном человеческом желудке. Да ещё гнусная кошка все кишочки по саду растаскала...

Почему Зинина бонна всё была брюнеткой, а сегодня у неё волосы, как соломенный сноп? Зина хихикнула, а я испугался и подумал: хорошо, Микки, что ты собака... Женили бы тебя на такой попугайке: во вторник она чёрная, в среду — оранжевая, а в четверг — голубая с зелёными полосками... Фу! Даже температура поднялась.

Почему, когда я себя веду дурно, на меня надевают намордник, а садовник два раза в неделю напивается, буянит, как бешеный бык, — и хоть бы что?! Зинин дядя говорит, что садовник был контужен, и поэтому надо к нему относиться

снисходительно. Непременно узнаю, что такое «контужен», и тоже контужусь. Пусть ко мне относятся снисходительно.

Пойду догрызу косточку (я спрятал её... где?.. а вот не скажу!). Потом опять напишу.

* * *

Ах, что я видел во сне! Будто я директор собачьей гимназии. Собаки сидят по классам и учат «историю знаменитых собак», «правила хорошего собачьего поведения», «как надо есть мозговую кость» и прочие подходящие для них штуки.

Я вошёл в младший класс и сказал: «Здравствуйте, цуцики!» — Тяв, тяв, тяв, господин директор! — «Довольны вы ими, мистер Мопс?» Мистер Мопс, учитель мелодекламации, сделал реверанс и буркнул: «Пожаловаться не могу. Стараются». «Ну, ладно. Приказываю моим именем распустить их на полчаса».

Боже мой, что тут поднялось! Малыши бросились на меня всей ватагой. Повалили на пол... Один вылил на меня чернильницу, другой уколол меня пером в кончик хвоста — ай! Третий стал тя-

нуть моё ухо вбок, точно я резиновый... Я завизжал, как паровоз, — и проснулся. Луна. На полу сидит таракан и подъедает брошенный Зиной бисквит. За окном хлопает ставня. Уй-юй-юй!..

Зинина комната на запоре. Я прокрался в закоулок за кухней и свернулся на коврике у кухаркиной кровати. Конечно, я её не люблю, конечно, она храпит так, что банки дребезжат на полке, конечно, она высунула из-под одеяла свою толстую ногу и шевелит во сне пальцами... Но что же делать?

Окно побелело, а я всё лежал и думал: что означает мой сон? У кухарки есть затрёпанная книга — «сонник». Она часто перелистывает её пухлыми пальцами и всё вычитывает по складам про какого-то жениха. Подумаешь, кто на такой сковородке женится?..

Но что мне «сонник»? Собачьих снов в нём всё равно нету... А может быть, сон был мне в руку? То есть в лапу.

* * *

Мысли:

Вода замерзает зимой, а я каждое

утро. Самое гнусное человеческое изобретение — ошейники, обтянутые собачьей кожей. Зачем наш сосед пашет землю и сеет хлеб, когда рядом с его усадьбой есть булочная? Когда щенок устроит совсем-совсем маленькую лужицу на полу — его тычут в неё носом; когда же то же самое сделает Зинин младший братишка, пелёнку вешают на верёвочку, а его целуют в пятку... Тыкать — так всех! Дрался с ежом, но он нечестный: спрятал голову и со всех сторон у него колючий зад. Р-р-р! Это что ж за драка?.. Ел колбасу и проглотил нечаянно колбасную верёвочку. Неужели у меня будет аппендицит?!

Зина пахнет миндальным молоком, мама её — тёплой булкой, папа — старым портфелем, а кухарка... многоточие...

Больше мыслей нету. Взы! Почему никто не догадается дать мне кусочек сахара?

*Фокс Микки,
которому по-настоящему
следовало бы быть профессором*